

К истории философской дискуссии 1947 года

В. Д. ЕСАКОВ

В историю отечественной науки вторая половина 1940-х годов вошла как особый период взаимоотношений науки и общества, как время прямых вторжений тоталитарного государства в развитие науки. Формой непосредственного идеологического диктата над деятельностью ученых стали так называемые научные дискуссии. Они являлись выражением стремления партийно-бюрократических структур к унификации развития знания, насаждению единомыслия в основных направлениях научной деятельности. Уже хрестоматийными стали и вошли в учебники упоминания о философской дискуссии, лысенковской сессии ВАСХНИЛ, вторжении в развитие физики и химии, о дискуссиях по вопросам языкознания, физиологии и т.д., но степень их изучения весьма различна.

Историки науки к настоящему времени провели значительную работу по анализу и обобщению развития научных направлений в тот сложный период. Проанализированы основные научные работы, опубликованные в те годы с учетом допускавшихся различий в точках зрения, научно-организационные решения, правительственные постановления, стенограммы дискуссий, большинство которых были обнаружены в свое время, а также общественно-политическая публицистика по проблемам науки. Наиболее активно изучалась историческая ситуация в таких пострадавших в то время научных направлениях, как генетика, физиология, языкознание, физическая химия и т.д. Философы приступили к изучению проблем взаимоотношений между наукой и властью в условиях тоталитарного общества. Обобщение опубликованных в свое время материалов, а также воспоминаний непосредственных участников "научных дискуссий" позволило выявить тот непоправимый ущерб, который был нанесен отечественной науке и последствия которого ощущаются еще и сегодня. Особенно большой урон был нанесен развитию философии в нашей стране.

Вместе с тем, объективное раскрытие многих процессов развития советского общества, в том числе и развития науки, было чрезвычайно затруднено в связи с закрытостью информации в условиях тоталитарного государства, непредсказуемой политикой, проводившейся в условиях строжайшей государственной тайны, секретностью сведений об основных и наиболее значимых направлениях научного творчества и научно-организационной деятельности ученых, а также жесткой цензурой любых сведений, публиковавшихся на страницах периодики. Лишь в самое последнее время, особенно с возросшей с начала 1992 г. доступностью партийных и государственных архивов, открылись возможности для углубленного изучения многих сторон жизни советского общества, в том числе и судеб отечественной науки. Архивные источники позволяют по-новому подойти к освещению и такой практически не исследованной страницы общественной жизни, как философская дискуссия 1947 г.

Развитие философии в СССР в послевоенный период остается, пожалуй, наименее исследованным направлением истории советской науки. В результате подавления философии в 1920-30-е годы произошла в значительной мере подмена философии партийно-политической пропагандой, сращивание официальных философов с работ-

пиками партийно-бюрократического аппарата. Мощная система подготовки партийных научных кадров привела к тому, что ставленники номенклатуры заполнили "множество кафедр и учреждений, образовали призванную исполнять предписания Сталина идеологическую полицию. Последняя, действуя от имени философии, компрометировала тем самым высокую, благородную и бескорыстную форму работы человеческого духа"¹.

Одна из основных причин сдерживания осмысления проблем развития философии за годы Советской власти в целом, и особенно в послевоенный период, связана с тем, что все последние десятилетия важнейшие должности в философских научных учреждениях, включая академические, находились в руках активных проводников сталинского курса подавления свободной научной мысли. С избранием в 1939 г. в действительные члены АН СССР М.Б. Митина, а в 1946 г. Г.Ф. Александрова утвердилось полное господство в Академии наук СССР философов, формировавшихся почти исключительно из среды партийных функционеров. Ключевую роль в этом процессе сыграл П.Н. Федосеев, ставший в 1946 г. членом-корреспондентом АН СССР, который "успешно адаптировался ко всем социально-политическим переменам, оставаясь на вершине академической философской пирамиды и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневле, и при Андропове, и при Черненко (которому вручил высшую академическую награду — золотую медаль Карла Маркса), и даже попытался стать идеологом перестройки"².

Конечно, возможны разные оценки тех или иных эпизодов развития нашей философии в годы тоталитаризма. Например, в книге М.П. Капустина "Конец утопии?" автор, говоря о "дискуссии" 1947 г., упоминает о книге Г.Ф. Александрова "История западноевропейской философии" как о первой в СССР, выполненной действительно специалистом-философом, добротной работе по истории западной философии³.

Данной публикацией, построенной на материалах архива Секретариата ЦК партии, мне хотелось бы привлечь внимание историков философии к тем возможностям, которые архивные фонды открывают сейчас для историко-философских исследований.

"История западноевропейской философии" Г.Ф. Александрова вышла в самом начале 1946 г., когда в результате разгрома гитлеровского фашизма казалось, что после войны должны произойти значительные перемены в нашей стране, что советский народ своей кровью завоевал право на достойную человека свободную и счастливую жизнь.

Одним из важнейших направлений этих изменений должно было стать возрастание роли Советского Союза в мировом сообществе и расширение международного научного и культурного сотрудничества как продолжение военного и политического взаимодействия стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны. Празднование в 1945 г. 220-летнего юбилея Академии наук СССР с участием зарубежных ученых, расширение доступа к иностранной, в том числе научной, литературе, активизация участия СССР в международных научных организациях и другие процессы, по моему мнению, свидетельствовали об укреплении связей отечественной и мировой науки. Да и выход книги по истории европейской философии, казалось бы, говорит об этом же. Ведь ее автор был не просто научным сотрудником. С 1939 г. он был кандидатом в члены ЦК ВКП(б) и начальником Управления пропаганды и агитации Центрального Комитета партии.

Вначале книга была высоко оценена как одно из значительных достижений советской науки, как реальное доказательство справедливости выдвинутого в это время Сталиным положения о том, что советские ученые "сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны"⁴. Вскоре после выхода книги академик М.Б. Митин от имени кафедры диалектического

¹ Ярошевский М.Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 29.

² Там же.

³ Капустин М.П. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М., 1990. С. 441.

⁴ Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. М., 1946. С. 21.

и исторического материализма Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) представил работу Г.Ф. Александра на соискание Сталинской премии. В представлении отмечалось, что эта книга "является глубоким научным исследованием... дает научное понимание как отдельных философских систем, так и всего процесса развития философских идей... дает всестороннее изложение учений крупнейших представителей мировой философии... Анализ и освещение всех вопросов даны в ней на высоком идейном уровне"⁵.

6 апреля 1946 г. состоялось заседание секции историко-филологических и философских наук Комитета по Сталинским премиям при Совете Министров СССР. Председательствовал П.Н. Поспелов. Присутствовали: И.И. Мешанинов, М.В. Сергеевский, Е.В. Тарле, Н.К. Гудзий, А.М. Панкратова, П.Ф. Юдин, Б.Д. Греков, И.И. Минц, М.Б. Митин.

Представляя работу Александра, Юдин отметил, что книга "безусловно представляет значительное явление в нашей исследовательской марксистской литературе. Это самостоятельное научное исследование, произведение крупного значения. Язык прекрасный. Написана она великолепно..." Митин целиком поддержал высказанную оценку. Поспелов, отметив, что книга "прошла значительную проверку", что автор ее дорабатывал и она достойна присуждения, поставил вопрос на голосование. Секция единогласно высказалась за присуждение Александру Сталинской премии⁶. Окончательное решение об этих премиях, как известно, определялось самим Сталиным, и он согласился с присуждением ее Александру, но 2-й степени.

30 ноября 1946 г. Г.Ф. Александров был избран действительным членом Академии наук СССР. Но к этому времени положение его резко осложнилось.

Как один из руководителей партийного аппарата и ближайших клеветов Сталина, Александров знал, что в политике сталинского руководства наметились серьезные изменения, обострились взаимоотношения с недавними союзниками, начали сокращаться международные связи, т.е. наметились те тенденции, которые вскоре оформились в политику "холодной войны". Он только вряд ли предполагал, что одной из первых "жертв" этих изменений станет он сам.

В литературе уже высказывалось предположение, что поводом для философской дискуссии послужила критика Сталиным книги Александра, с которой он ознакомился по настоятельной просьбе автора⁷. Нам не удалось документально удостовериться в обоснованности такой точки зрения. Но сомнения в ее правомерности возникли. Прежде всего потому, что критическое отношение Сталина, если бы оно существовало с самого начала, исключило бы получение Г.Ф. Александровым премии. Очевидно, был необходим побудительный стимул для изменения отношения к книге "корифея науки".

Формальным толчком для обсуждения и осуждения книги Г.Ф. Александра послужило письмо профессора Московского университета З.Я. Белецкого И.В. Сталину от 18 ноября 1946 г. Он писал:

"Дорогой Иосиф Виссарионович!

Приблизительно 2¹/₂ года тому назад было вынесено решение Центрального Комитета партии о 3-м томе "Истории философии", вышедшем под редакцией гг. Александра, Быховского, Митина и Юдина.

Решение ЦК было воспринято как дальнейшее развитие указаний, данных Вами еще в 1931 г. о меньшевистствующем идеализме. Тем более, что 3-й том истории философии представлял собой яркий образец аполитического, безыдейного изложения истории философии.

Однако сейчас это решение ЦК оказалось сведенным на нет. Оно истолковывается в новом смысле. Выдвинута странная теория о том, что это решение вынесено не в связи с какими-то принципиальными, теоретическими ошибками, допущенными в 3-м томе, а по конъюнктурным

⁵ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 478. Л. 24-25.

⁶ Там же. Л. 26-27.

⁷ Ярошевский М. Г. Указ. соч. С. 20.

соображениям: шла, мол, война с немцами, нужно было тогда их бить.

Война закончилась. Теперь следует все поставить на прежнее место. Немецкая философия должна занять свое прежнее положение. Конъюнктурность-де отпала.

Эта точка зрения кажется нелепой и на нее не следовало бы указывать, если бы она не была сейчас подкреплена делами".

Именно З.Я. Белецкий был основным критиком вышедшего в 1943 г. III тома "Истории философии". Следует напомнить, что еще в 30-е годы Институт философии АН СССР приступил к подготовке "Истории философии" в семи томах: т. I - Античная и средневековая философия, т. II - Возрождение и философия нового времени, т. III - Философия первой половины XIX века, т. IV - Философия Маркса и Энгельса, т. V - Буржуазная философия второй половины XIX и XX века, т. VI - История русской философии, т. VII - Ленин и Сталин.

Была развернута работа над всеми томами. Первый том был издан в 1940 г., второй - в 1941 г, В 1943 г. авторский коллектив этих томов - Г.Ф. Александров, Б.Э. Быховский, М.Б. Митин, П.Ф. Юдин, О.В. Трахтенберг, В.Ф. Асмус, М.А. Дынник, М.М. Григорьян - был удостоен Сталинской премии I степени. А вышедший в том же 1943 г. III том был подвергнут серьезной критике. В основу ее было положено письмо З.Я. Белецкого И.В. Сталину. Вопрос о III томе обсуждался на заседании Политбюро ЦК в мае 1944 г. было принято специальное постановление ЦК ВКП(б) "О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII-начала XIX веков".

В ноябре 1946 г. З.Я. Белецкий вновь обращает внимание Сталина на "ряд вопросов, относящихся к проводимой у нас линии по философским вопросам". Он писал далее в своем письме от 18 ноября:

"В начале этого года т. Александров выпустил 2-м изданием свою работу под названием "История западноевропейской философии". Касаясь этой работы, я хочу изложить пункты расхождения, наметившиеся сейчас по вопросам истории философии и по вопросу интерпретации решения ЦК о 3-м томе истории философии...

Если прочесть "историю философии" т. Александрова, то можно убедиться, что новых каких-либо мыслей по вопросу об истории философии, как науки, он не дает. Он дает известные факты и даты...

Книга т. Александрова, правда, отличается... тем, что в ней приводятся цитаты классиков марксизма-ленинизма. В этом преимущество...

Тов. Александров, составив в 1939 г. плохой курс "истории философии", решил почему-то, что это наилучшее руководство по истории философии. В 1946 г. он его переиздаст с какими-то улучшениями. Эти улучшения сводятся, однако, не к коренной его переработке и критике в свете решения ЦК о 3-м томе, а к некоторой перелицовке понятий, благодаря чему решение ЦК теряет всякий смысл".

Далее Белецкий писал о Канте, Фихте, Гегеле как о философии немецкой буржуазии, о том, что Александров уходит на академический путь их раскрытия без оценки их идейно-политической стороны, в целом характеризуя позицию автора как "беспардонное, академическое изложение". "Тов. Александров решил сохранить свой старый учебник, но за счет решения ЦК по 3-му тому".

Отметим, что "руководящие работники философского фронта являются руководителями работниками Управления пропаганды ЦК. По занимаемому положению они обязаны давать лишь директивы, что и делают. У них в руках и печать, и академии и пр. и пр.," Белецкий писал далее о допускаявшихся ими нарушениях при защите своих диссертационных работ: "Мне непонятно... зачем нужно было профессору Московского университета т. Иовчуку идти защищать диссертацию в учреждение (АОН), где нет ни кафедры по русской философии и куда доступ возможен только по пропускам".

З.Я. Белецкий в заключение вновь возвращался к книге Александрова, указывая, что в рецензиях на нее не было никаких недостатков и что она "причислена к

⁸ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 454. Л. 80.

⁹ См. там же. Д. 254.

классическим работам"... "Книга представляется в Сталинский Комитет и там оценивается второй премией, хотя по условиям конкурса она вообще вряд ли могла быть принята, как написанная в 1939 г." Не мог автор пройти и мимо избрания Александра академиком: "Началась кампания выборов в Академию наук. Руководство Управления пропаганды пожелало в полном составе войти в состав академиков. Их начали всюду выставлять, хотя для многих казалось, что некоторые из кандидатов могли бы подождать... и поработать на научном поприще...

Мне кажется, что сейчас философский участок нашего идеологического фронта нуждается в исключительном внимании к себе...

Устранить недостатки в работе без Вашей помощи невозможно"¹⁰.

Письмо З.Я. Белецкого было разослано секретарям ЦК ВКП(б) и являлось основным документом при рассмотрении на заседании Секретариата ЦК ВКП(б) 26 декабря 1946 г. вопроса "Об организации обсуждения книги т. Александра Г.Ф. "История западноевропейской философии". В результате было принято следующее постановление Секретариата ЦК:

"В связи с серьезными ошибками, допущенными в книге т. Александра Г.Ф. "История западноевропейской философии", Центральный Комитет считает целесообразным:

1. Провести в Институте философии Академии наук СССР обсуждение книги т. Александра Г.Ф. "История западноевропейской философии".

2. Для участия в обсуждении книги т. Александра Г.Ф. пригласить научных работников и преподавателей в области философии и других общественных наук, партийных работников, а также работников министерств, занимающихся вопросами просвещения и культуры, всего в количестве 250-300 человек.

Обсуждению посвятить несколько заседаний, обеспечив при обсуждении полную свободу критики и обмена мнений по книге.

3. Итоги дискуссии опубликовать в журналах "Большевик", "Партийная жизнь" и "Вестник Академии наук СССР".

4. Подготовку и руководство на собраниях при обсуждении книги т. Александра Г.Ф. поручить т. Федосееву, обязав его в суточный срок внести в Секретариат ЦК ВКП(б) предложения о порядке обсуждения"¹¹.

Первое обсуждение книги Г.Ф. Александра "История западноевропейской философии" состоялось в январе 1947 г. в Институте философии АН СССР. Подготовка же этого обсуждения осуществлялась не академическими сотрудниками, а работниками аппарата ЦК партии. Детальная программа этой акции в соответствии с решением Секретариата ЦК была сформулирована П.Н. Федосеевым. 26 декабря 1946 г. он направил секретарю ЦК А.А. Кузнецову предложения о порядке обсуждения книги Г.Ф. Александра, в которых признавалось целесообразным пригласить на заседания в Институт философии научных работников этого института - 40 чел.; преподавателей МГУ - 28 чел., преподавателей философии и руководителей всех кафедр Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) - 23 чел. и Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) - 22 чел., руководителей кафедр философии московских педагогических институтов и военных академий - 14 чел., академиков, членов-корреспондентов и директоров институтов Отделения истории и философии АН СССР - 23 чел., членов редколлегии "Правды", "Большевика", "Партийной жизни", "Культуры и жизни" и редакторов центральных общественно-политических газет - 25 чел., членов бюро МГК и МК ВКП(б), первых секретарей райкомов и заведующих отделами пропаганды райкомов г. Москвы - 70 человек, руководящих работников Политуправления Вооруженных Сил, Министерства высшего образования СССР и Министерства просвещения РСФСР - 15 чел., работников аппарата ЦК ВКП(б) - 40 человек. Всего приглашалось 300 человек. Именные приглашения "товарищам, привлекаемым к участию в обсуждении", должны были рассылаться Институтом философии АН СССР не позднее 28 декабря 1946 г., т.е. за две недели до обсуждения.

П.Н. Федосеев предложил установить следующий порядок обсуждения книги Александра:

¹⁰ Там же. Д. 454. Л. 80-90.

¹¹ Там же. Оп. 116. Д. 288 Л. 56.

- открывает собрание директор Института философии АН СССР Васецкий;
- первым в порядке дискуссии выступает один из следующих товарищей: Поспелов, Кружков, Федосеев, Иовчук; в выступлении дается обстоятельный критический разбор книги на основании указаний товарища Сталина;
- вслед за этим в порядке дискуссии слово предоставляется т. Белецкому (МГУ);
- последующие выступления пойдут в порядке записи;
- т. Александров выступает на первом и последнем заседаниях;
- заключительное слово было предусмотрено, но оставлен пропуск - "поручается т. ... "П.Н. Федосеев понимал, что вписанная сюда любая фамилия может обернуться непредсказуемыми последствиями. Это не его компетенция. Да и любой из секретарей ЦК, как в данном случае А.А. Кузнецов, не рискнул заполнить этот пропуск.

Было предусмотрено, что все выступления стенографируются, что стенограммы рассылаются авторам и должны быть исправлены в двухдневный срок.

Для более целенаправленной организации обсуждения в ЦК были вызваны Кружков, Поспелов, Митин, Юдин, Ильичев, Францев, Гак, Светлов, Васецкий, и им было поручено подготовиться к участию в дискуссии по книге Александрова.

Предложения П.Н. Федосеева специально обговаривали, что изложение хода дискуссии для печати подготавливают Институт философии АН СССР (т. Васецкий) и отдел философии журнала "Большевик" (т. Гак) и что это изложение представляется на рассмотрение Секретариата ЦК ВКП(б)¹².

А.А. Кузнецов внимательно ознакомился с предложениями Федосеева и внес два уточнения: он увеличил число присутствующих работников аппарата ЦК ВКП(б) с 40 до 70 человек и зачеркнул директора Института философии Васецкого как открывающего собрание, вписав вместо него Кружкова, - тогдашнего директора Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). Одна эта замена ярко продемонстрировала смену акцента с обсуждения истории европейской философии на пропаганду политики большевистской партии. А.А. Кузнецов 29 декабря 1946 г. направил предложения П.Н. Федосеева с внесенными им уточнениями секретарям ЦК Н.С. Патолічеву и Г.М. Попову¹³.

Пока в партийном аппарате и философских кругах готовились к официальному обсуждению книги Александрова, на имя "классика марксистской философии" продолжали поступать отклики с мест. Один из них, привлечший внимание и разосланный для информации заинтересованным лицам, принадлежал инженеру П. Михалевичу. Он писал Сталину 27 декабря 1946 г.:

"Уважаемый Иосиф Виссарионович!

Разрешаю себе обратиться к Вам по следующему вопросу. В настоящее время получила широкое распространение книга проф. Александрова Г.Ф. "История З.Е. философии".

Ввиду большого чина и авторитета автора, а также присуждения ему Сталинской премии - книга не подвергается никакой критике и принимается в широких философских кругах, как абсолютно правильный курс истории философии.

Между тем, по-моему, книга проф. Александрова методологически построена принципиально неверно и поэтому должна перед дальнейшими переизданиями [быть] подвергнута жесткой большевистской критике.

Не являясь профессиональным философом - по профессии я инженер - все же ввиду важности вопроса, считаю нужным послать Вам прилагаемые критические замечания по книге проф. Александрова.

27.XII.1946 г.

П. Михалевич"¹⁴

9 января 1947 г. Поскребышев направил это письмо А.А. Кузнецову, а тот для ознакомления секретарям ЦК Жданову, Патолічеву и Попову, а также Александрову, Федосееву и Иовчуку¹⁵.

¹² Там же. Оп. 125. Д. 477. Л. 1-2.

¹³ Там же. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 478. Л. 5. Критические замечания П. Михалевича см.: Л. 2-4 об.

¹⁵ Там же. Л. 1.

Обсуждение книги Г.Ф. Александрова "История западноевропейской философии" в Институте философии АН СССР проходило 14, 16 и 18 января 1947 г. Стенограммы первых двух дней заседаний были пересланы в секретариат А.А. Жданова 24 января, а заключительного - 27 января¹⁶.

К этому времени В.С. Кружков и Г.С. Васецкий уже направили А.А. Кузнецову "Краткие предварительные итоги обсуждения книги тов. Александрова Г.Ф. "История западноевропейской философии". Секретарь ЦК внимательно ознакомился с текстом, сделал подчеркивания, оставил помету: "Читал. А. Кузнецов", но удовлетворен не был¹⁷.

Не был удовлетворен основной куратор проведенного мероприятия и проектом записки Кружкова и Васецкого на имя Сталина - этот проект был представлен на просмотр А.А. Кузнецову 28 января. К проекту были приложены копии представления Митина в Комитет по Сталинским премиям при Совете Министров СССР от имени кафедры диалектического и исторического материализма Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) и выписка из стенограммы секции Комитета по Сталинским премиям о рекомендации книги Александрова. Ознакомившись с этими материалами, А.А. Кузнецов внес редакторскую правку, но не завершил ее. Оставил помету: "Мало объективности" и предложил доработать записку Сталину. На этом экземпляре имеется помета сотрудника Секретариата ЦК: "Архив. Дан новый вариант 16.II.47 г."¹⁸.

В отступление от предложений Федосеева, информационный материал для опубликования в журнале "Большевик" представлялся на рассмотрение секретарей ЦК не Васецким и Гаком, а тем же Кружковым. Первоначальный проект для "Большевика" был им представлен А.А. Кузнецову 7 февраля. На следующий день этот 16-страничный текст был переслан для ознакомления А.А. Жданову, Н.С. Патоличеву и Г.М. Попову¹⁹. Со своей стороны А.А. Кузнецов считал, как об этом свидетельствуют его собственноручные наброски, что информационный материал требовал следующий доработки:

1. Почему состоялось обсуждение книги т. Александрова, чья инициатива.

2. Повышенные требования предъявлены лишь потому, что она является учебником для высших учебных заведений.

3. Начало не годится.

4. Указать содержание выступающих.

5. Не нужно указывать о достоинствах книги²⁰.

Был забракован и переработанный 15-страничный материал²¹. 14 марта 1947 г. вопрос "Об итогах философской дискуссии в связи с выходом книги т. Александрова "История западноевропейской философии" обсуждался на Секретариате ЦК ВКП(б). Было принято решение: "Поручить т. Кружкову, с учетом состоявшегося на Секретариате ЦК обмена мнений, переработать проект материала для опубликования в печати об итогах обсуждения книги т. Александрова "История западноевропейской философии" и внести на рассмотрение ЦК ВКП(б). Срок 2 дня"²². В.С. Кружков 22 марта 1947 г. представил А.А. Жданову уже информацию на 29 страницах²³. А окончательный текст, размноженный для секретарей ЦК, занимал 43 страницы²⁴. Он-то и был опубликован в "Большевике".

Приведенные документы и материалы, отмеченные в сносках, - это еще не философская дискуссия. Это - первая попытка преимущественно с помощью работ-

¹⁶ Там же. Д. 477. Л. 3, 85.

¹⁷ Там же. Д. 478. Л. 6-10.

¹⁸ Там же. Л. 11-23.

¹⁹ Там же. Л. 30-45,

²⁰ Там же. Л. 29.

²¹ Там же. Л. 46-50.

²² Там же. Оп. 116. Д. 299. Л. 71.

²³ Там же. Оп. 125. Д. 478. Л. 51-79.

²⁴ Там же. Л. 80-122

ников академического института провести обсуждение книги Александрова, но это обсуждение не удовлетворило партийное руководство.

К сожалению, в протоколах Секретариата ЦК нам не удалось обнаружить последующих решений об изменении характера и направленности дальнейшего обсуждения книги Александрова. Подобные решения принимались, очевидно, уже в Политбюро при непосредственном участии Сталина. Протоколы же Политбюро ЦК ВКП(б) после 1940 г. не доступны исследователям даже в современных условиях. Они хранятся в составе так называемого Президентского архива, на государственное хранение не переданы и доступ к ним чрезвычайно затруднен.

Собственно философской дискуссией при ЦК ВКП(б) следует считать "совещание работников научно-философского фронта, посвященное дискуссии по книге Александрова "История западноевропейской философии", которое под председательством А.А. Жданова прошло 16-25 июня 1947 г.

Накануне дискуссии сведения о ней проникли в различные круги номенклатуры. Списки участников дискуссии, естественно, составлялись в аппарате ЦК. В основной список вошли секретари ЦК, руководящие работники ЦК ВКП(б), республиканских и местных партийных организаций, Москвы и Ленинграда, т.е. вся идеологическая номенклатура страны. В списке можно встретить и жен руководителей партии и государства - Ворошилова, Жданова и других. В кругах советской научной и творческой элиты почувствовали обеспокоенность полнейшим утверждением партийных чиновников в столь влиятельной области интеллектуальной жизни. В результате появились два дополнительных списка приглашенных на философскую дискуссию. В первый список был включен 71 человек и среди них С.И. Вавилов, Е.С. Варга, В.П. Волгин, Б.Д. Греков и др. Мы назвали только четыре фамилии - президента АН СССР и руководителей Отделения истории и философии АН СССР, - о которых не вспомнили составители основного списка, Во втором дополнительном списке значатся В. Вишневский, Ф. Панферов, К. Симонов, А. Фадеев и другие писатели, а также историк М.В. Нечкина и выдвигающийся идеолог Б.Н. Пономарев²⁵.

Открывая по поручению ЦК ВКП(б) первое заседание философской дискуссии, А.А. Жданов сказал: "Уже то, что эта дискуссия проводится вторично, показывает, какое значение Центральный Комитет придает обсуждаемой теме. Тема эта, как вы сами понимаете, серьезная. После выхода книги в свет и в итоге ее изучения читателями выяснилось, что автор не совсем серьезно подошел к теме, в связи с чем книга вызвала большое количество критических замечаний и существенных поправок. Выяснилась, как вы знаете, необходимость дискуссии, и такая дискуссия была проведена в Институте философии Академии наук.

Центральный Комитет рассмотрел итоги дискуссии, которая проходила в январе месяце в Академии наук, и пришел к выводу, что как организация самой дискуссии, так и способы подведения итогов ее оказались неудовлетворительными²⁶. Не высказывая ни малейших претензий по существу проведенного обсуждения научной проблемы, причинами, побудившими ЦК организовать повторную дискуссию. А.А. Жданов назвал, во-первых, непривлечение работников из республик и крупнейших городов РСФСР, а, во-вторых, то, что часть записавшихся (15 человек) не получила возможности выступить в прениях. По словам А.А. Жданова, не удовлетворило партийное руководство и то, что в представленных итогах обсуждения в академическом институте речи выступавших были даны лишь в кратком изложении. Именно этот формально-бюрократический подход, а не существо обсуждения проблем истории философии, якобы послужил поводом для того, чтобы ЦК "пришел к выводу, что дискуссия в том виде, в каком она была проведена, оказалась бледной, куцей, неэффективной, а поэтому и не имела должных результатов. В связи с этим ЦК решил организовать новую дискуссию"²⁷. Любопытно отметить, что заседания проходили по вечерам, с 6 до 10 часов. Первыми выступили несколько человек из тех, кто не получил слова при обсуждении в Институте философии.

²⁵ Там же. Д. 479.

²⁶ Вопросы философии. 1947. № 1. С. 5.

²⁷ Там же.

Несомненно, что центральным событием философской дискуссии явилось заранее планировавшееся выступление А.А. Жданова. Целая неделя потребовалась председателствовавшему, чтобы "войти в тему". Были составлены записки об основных недостатках книги Александрова, отмеченные в ходе дискуссии, и другие подготовительные материалы. Работа над текстом выступления была завершена к 23 июня, и текст направлен Сталину со следующим сопроводительным письмом:

"Тов. Сталину

Направляю Вам проект своей речи на философской дискуссии. Очень прошу Вас просмотреть и сделать свои указания. Речь предполагаю произнести завтра, 24-го июня в 6 ч. вечера, после чего, по-моему, следует вести прения еще в течение вечернего заседания 24-го и часть вечернего заседания 25-го июня с тем, чтобы 25-го июня дать заключительное слово т. Александрову и на этом закончить дискуссию.

23/VI-1947 г.

А. Жданов"²⁸

Это послание - автограф, написанный фиолетовыми чернилами. А ниже на том же листе ответ - простым карандашом:

"Т. Жданов!

Вышло не плохо. Хорошо бы разбить речь на две главы (глава 1-ая = критика учебника, глава 2-ая = о философ, фронте). Есть поправки в тексте.

И. Сталин"²⁹

Правка И.В. Сталиным текста выступления А.А. Жданова по книге Г.Ф. Александрова "История западноевропейской философии (в прямые скобки взяты вычеркнутые Сталиным слова, а в круглые - замененные, прописными буквами выделены вписанные им; цифры, стоящие в начале строк, обозначают страницы машинописного текста выступления, а в конце - указывают страницы публикации в журнале "Вопросы философии" № 1 за 1947 г.).

2. "Заранее прошу извинения за то, что буду прибегать к [умеренному] употреблению цитат..." - с. 256.

4. "[Второе.] Что касается научности учебника..." - с. 257.

10. "С появлением марксизма, как научного миросозерцания пролетариата [как учения масс] кончается старый период истории философии..." Вычеркнув отмеченные слова и поставив после них вопросительный знак, Сталин написал на полях: "НЕ ТО". А в следующем абзаце он вписал над строкой, что философия "стала научным оружием в руках ПРОЛЕТАРСКИХ масс" - с. 259. Проведенное Сталиным редактирование Жданов счел достаточным и какой-либо иной правки не вносил.

11. "[Третье.] Совершенно неоправданным является тот факт..." - с. 260.

12. "[Четвертое.] Ряд товарищей указывали, что введение ...".

И в том же абзаце: "Я уже говорил о неправильном и неточном определении предмета (науки) ФИЛОСОФИИ" - с. 260. В опубликованном тексте "ряд товарищей" заменен на "некоторые товарищи".

14. "Известна та страстность и непримиримость, с которыми марксизм-ленинизм (вели) ВЕЛ и (ведут) ВЕДЕТ острейшую борьбу со всеми врагами материализма" - с. 261. В опубликованном тексте "страстность" заменена на "страсть", а после "марксизм-ленинизм" вставлено "всегда".

16. "... марксизм возник, вырос и победил в беспощадной борьбе со всеми представителями идеалистического (мракобесия) НАПРАВЛЕНИЯ" - с. 261.

²⁸ РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 963. Л. 135.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 136-177.

18. "Изложение философских взглядов в учебнике ведется абстрактно, объективистски (бесстрастно) НЕЙТРАЛЬНО" - с. 262.

19. "(Пятое)" - с. 263. Вместо этого Жданов включил: "Еще одно замечание".

20. "... сплошь и рядом отрывая при изложении различных философских систем это изложение от (исследования) конкретной исторической обстановки ..." - с. 263.

22. "Заметим, кстати, что во Франции накануне французской- революции было менее 10% городского населения [, что]. ЧТО же в таком случае следует из цифры городского населения Германии, приведенной Александровым". Поставив в начале этой фразы знак абзаца и разбив ее на два предложения, Сталин написал на полях: "НУЖЕН ОТВЕТ ЖДАНОВА". - Это замечание привело к тому, что весь абзац доклада Жданова о городском населении Германии и Франции был дан в другой редакции - с. 264.

23. После цитаты и ссылки - Маркс и Энгельс, т. V, с. 6 - Сталин выделил в абзац следующее предложение: "На этом примере, кстати, я хотел проиллюстрировать необходимость коренного изменения стиля изложения" и написал на полях: "В ЧЕМ ДЕЛО, ЧТО ЗА СТИЛЬ = НЕЯСНО". - В результате этого замечания Жданов отказался от обращения внимания на стиль изложения Александрова и после приведенной цитаты об обстановке в Германии усилил критику методики его работы: "Сравните эту характеристику Энгельса, яркую, острую, точную, глубоко научную, с характеристикой, которую дает Александров, и вы увидите, как т. Александров плохо использует уже готовое из неисчерпаемого богатства, оставленного нам основоположниками марксизма" - с. 265.

В следующем абзаце Сталин расширил имевшуюся ссылку после очередной цитаты: "(Из письма Энгельса к К. Шмидту ОТ 5 АВГУСТА 1880 г. МАРКС И ЭНГЕЛЬС. ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА)" - с. 265.

24. "[Нужно уметь] Т. АЛЕКСАНДРОВ УХИТРИЛСЯ, говоря о "Материализме и эмпириокритицизме", умолчать о проблемах естествознания" - с. 266.

27. "Отсутствие творческих дискуссий, критики и самокритики не могло не отразиться пагубным образом на состоянии [всей] научной философской работы" - с. 267.

32. "... развитие философской [науки] МЫСЛИ идет в значительной мере помимо наших профессиональных философов" - с. 268.

33. "Больше того, он чересчур опирается в своей работе на УЗКИЙ КРУГ ближайших сотрудников и почитателей таланта" - с. 269.

34. "Тов. Александров избрал неправильный путь составления учебника, не опершись на [максимально] широкий круг знающих людей" - с. 269.

36. "... ту особую форму борьбы между старым и новым, между отживающим и нарождающимся у нас в советском обществе, которая [была открыта товарищем Сталиным и] называется критикой и самокритикой" - с. 270.

40. На страницах 39 и 40 машинописного текста Жданова Сталин три раза вносит исправления "ни" на "НЕ". Затем редактирует следующую фразу: "Перед лицом этих великих задач [мы спрашиваем вас] МОЖНО БЫЛО БЫ СПРОСИТЬ: способны ли [вы] НАШИ ФИЛОСОФЫ поднять на свои плечи новые задачи" - с. 272.

41. "Будьте же достойны нашей эпохи, - эпохи Ленина-Сталина, ЭПОХИ нашего народа, народа победителя" - с. 272.

Итак, на 41 странице ждановского текста Сталиным были сделаны 26 редакторских и корректорских уточнений или исправлений. Каждое из них носило характер тех указаний, которые ожидал автор, а совокупность этих указаний превращала представленный проект выступления в "высочайше" одобренную партийную директиву³¹.

После доклада "В Президиум. Тов. Жданову" поступило следующее послание:

³¹ Текст выступления, исправленный и разбитый на главы, см.: Там же. Л. 95-134.

"Уважаемый Андрей Александрович!

Не могу удержаться от того, чтобы не выразить свои чувства после Вашей речи. Ваша речь доходит до глубины души. Есть силы на философском фронте, люди выросли - и после такой мобилизующей речи - должен быть серьезный сдвиг в работе. Вот каким большевистским языком мы должны говорить! Вот чему мы должны учиться.

Разрешите мне от всей души поблагодарить Вас за такое вдохновляющее выступление.

Митин"³²

Жданов, конечно, знал о влиянии этого придворного философа на "творца всех наших побед". Он отделил это послание от других поступивших записок и вложил его в записную книжку, которую в это время носил с собой и в которую делались заметки для памяти, вносились задания и краткие заметки о состоявшихся решениях и неотложных делах.

На следующий день после выступления Жданова, во время заключительного заседания философской дискуссии, в президиум поступило послание, сыгравшее заметную роль в дальнейшем распределении сил на философском фронте.

"Тов. Жданову (лично)

Андрей Александрович!

Я давно хотел обратиться к Вам с просьбой принять меня, чтобы я мог высказать Вам свои соображения о тяжелом положении по линии философии и о причинах этого (поскольку мое 1¹/₂ летнее участие в работе Института Философии позволяет об этом судить). Ваше выступление вчера убедило меня, что - возможно - мои соображения будут не бесполезны при определении организационных мероприятий по этой линии. Если Вы найдете возможным меня выслушать, то я привел бы также *серьезные факты, говорящие о некоторых симптомах особого рода репрессии марксизма путем выхолащивания из него творческого характера.*

Простите, что обращаюсь опять к Вам, пользуясь Вашим участием в данной дискуссии.

Кедров"³³

В результате этого обращения встреча Б.М. Кедрова и А.А. Жданова состоялась.

Через день после завершения дискуссии, 27 июня 1947 г., Секретариат ЦК ВКП(б) рассмотрел вопрос "Об издании стенографического отчета дискуссии по книге т. Александра Г.Ф. "История западноевропейской философии"" и постановил: "Поручить комиссии в составе гг.: Федосеева, Кружкова, Кузнецова А.А. и Белякова* подготовить к изданию и издать стенографический отчет дискуссии по книге т. Александра Г.Ф. "История западноевропейской философии". Срок 10 дней"³⁴.

Данное решение Секретариата ЦК показывает, что первоначально предполагалось издать стенограмму философской дискуссии в виде отдельной книги. Вскоре же возобладала идея соединить издание материалов обсуждения книги Александра с уже имевшимся предложением о создании специального академического журнала по философии. В одной из записных книжек А.А. Жданова появилась запись: "Философск(ий) журнал 1-3 и начать с дискуссии"³⁵.

Вопрос о создании журнала при Институте философии АН СССР был поставлен в

³² Там же. Оп. 3. Д. 179. Л. 35.

³³ Там же. Оп. 1. Д. 983. Л. 183 и об.

* Помощник А.А. Жданова.

³⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 116. Д. 313. Л. 21.

³⁵ Там же. Ф. 77. Оп. 3. 177. Л. 48. В деле 4 записные книжки, каждая со своей нумерацией страниц.

начале 1946 г. Президент АН СССР академик С.И. Вавилов и тогдашний директор Института философии АН СССР В.И. Светлов 26 февраля 1946 г. направили письмо секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Жданову и Г.М. Маленкову о создании философского журнала. В письме говорилось, что "в Институт философии Академии наук СССР поступают многочисленные устные и письменные запросы о том, почему им не издается философский журнал. Потребность в таком журнале ощущается и в центре и на периферии". В самом Институте философии необходимость создания журнала, говорилось далее в письме, обостряется тем, что накопилось много специальных теоретических вопросов, которые не могут быть освещены на страницах журналов "Большевик" или "Пропагандист". К числу таких вопросов относятся: проблемы логики, психологии, философии естествознания, вопросы истории философии, в частности, истории русской философской мысли, истории философии народов СССР, специальные философские вопросы и т.д. Журнал даст возможность объединить философских работников периферии, разбросанных по всей стране и подчас предоставленных самим себе.

"Мы не можем не учитывать и тот факт, - говорилось в письме, - что, например, в США выходит несколько философских журналов. Такое же положение имеет место и в Англии. Кроме того, почти каждый заграничный университет выпускает свой философский журнал. Даже в маленькой дружественной нам Болгарии вышел первый номер философского журнала.

В зарубежных странах выходит большая литература по вопросам философии и социологии. Идет борьба различных направлений. Мы не можем быть в стороне от этой борьбы, на позициях своеобразного "изоляционизма". Мы должны вести борьбу с враждебными направлениями в области философии, социологии, психологии. Наличие философского журнала облегчит возможность осуществить эту задачу".

С.И. Вавилов и В.И. Светлов просили рассмотреть предложение об организации философского журнала при Институте философии АН СССР с выходом в свет один раз в три месяца. Редакционная коллегия предлагалась в следующем составе: М.Т. Иовчук - ответственный редактор, члены редколлегии - акад. С.И. Вавилов, проф. В.И. Светлов, проф. Б.М. Кедров, член-корр. Х.С. Коштыяц, член-корр. С.Л. Рубинштейн, проф. М.Д. Каммари, М.А. Леонов, П.С. Попов, В.С. Кеменов, к.ф.н. П.Е. Вышинский, к.ф.н. З.В. Смирнова³⁶.

На втором экземпляре приписано от руки "проф. Суворов С.Г. - член редкол."³⁷.

На первом экземпляре есть резолюция: "г. Александрову. Ваши предложения. Жданов 8/III 46 г." и им же проставлены "галочки" и минусы против состава редколлегии. Минусы стоят против фамилий Светлова, Леонова, Попова и Кеменова³⁸. В своем ответе Александров писал Жданову, что Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) поддерживает предложение Академии наук³⁹.

Был подготовлен проект решения Секретариата ЦК, в котором говорилось:

1. Разрешить Президиуму Академии наук СССР с 15 августа 1946 г. издание журнала "Вопросы философии". Установить объем журнала 10 печ. листов, периодичность - 6 номеров в год, тираж - 30 тыс. экземпляров.

2. Утвердить ответственным редактором журнала "Вопросы философии" т. Васецкого Г.С.

3. Утвердить редколлегию журнала "Вопросы философии" в составе тт. Вавилова С.И., Вышинского П.Е., Дынника М.А., Иовчука М.Т., Кеменова В.С., Кедрова Б.М. (зам. редактора), Кузьмина Л.Ф., Кравкова С.В., Попова П.С., Рубинштейна С.Л.

3. Внести на утверждение Политбюро⁴⁰.

Этот проект утвержден не был. На отдельном листе: "В архив. Вопрос временно отложен. М. Иовчук. 7/II 47"⁴¹.

³⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 404. Л. 78-80.

³⁷ Там же. Л. 80.

³⁸ Там же. Л. 92, 94

³⁹ Там же. Л. 85.

⁴⁰ Там же. Л. 84.

⁴¹ Там же. Л. 95.

Пока решался вопрос о форме издания материалов дискуссии, А.А. Жданову пришлось рассматривать два обращения к нему по существу поставленных в выступлениях вопросов. Одно из них касалось расхождений между М.Т. Иовчуком и М.З. Селектором, а второе - затрагивало одно из положений его собственной речи.

9 июля 1947 г. М.Т. Иовчук писал Жданову из Минска:

"Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Жданову А.А.

Дорогой Андрей Александрович!

В своей речи, предназначенной к напечатанию в материалах философской дискуссии, т. Селектор подвергает критике мою лекцию "Ленинизм и передовая русская культура XIX века", опубликованную в 1946 г. в журнале "Большевик"⁴².

Прошу Вас, Андрей Александрович, в том случае, если речь т. Селектора решено будет поместить в материалах дискуссии, дать мне возможность предварительно ознакомиться со стенограммой речи т. Селектора⁴³ и ответить ему в том же сборнике материалов философской дискуссии.

Секретарь ЦК КП(б) Белоруссии
по пропаганде и агитации М. Иовчук

Ознакомившись с этой просьбой, секретарь ЦК ВКП(б) написал на ней: "Это было бы несправедливо по отношению к другим. Жданов"⁴⁴.

В атмосфере всеобщего восхваления и подхалимажа, славословий по поводу глубокого по содержанию и блестящего по форме выступления А.А. Жданова в его адрес было направлено и реальное замечание по тексту этого "высочайше одобренного" доклада. Оно принадлежало заместителю начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б), т.е. заместителю Г.Ф. Александрова, исполнявшему и обязанности заведующего сектором науки этого управления С.Г. Суворову. 14 июля 1947 г. он писал Жданову:

"Позвольте мне, Андрей Александрович, не как работнику аппарата ЦК ВКП(б), а как физику, работающему в области философии естествознания, просить Вас уточнить для печати один пример из области естествознания в Вашем выступлении на философской дискуссии.

Речь идет о примере из следующего текста: "В равной мере кантиантские выверты современных буржуазных атомных физиков приводят к выводам о "свободе воли" у электрона, о замене материи некоторой суммой волн, несущих энергию, и к прочей чертовщине" (Стенограмма, с. 38-39).

Подчеркнутые строки могут вызвать неправильное, толкование. В самом деле, из текста не ясно, против какой теории направлено подчеркнутое выражение. Современная физика показала, что наряду с веществом и взаимодействуя с ним существуют различные физические поля - электромагнитное, гравитационное, по-видимому также и мезонное. Эти поля, как и вещество с его атомно-молекулярным строением, являются одной из физических форм материи"⁴⁵.

Остановившись на характеристике свойств физических полей, связи достижений физики с диалектическим материализмом, С.Г. Суворов обращал далее внимание на то, какое значение могло иметь подобное высказывание для идейной борьбы, шедшей в то время среди советских физиков.

"Физики, - писал он, - могут по-разному воспринять и использовать приведенный в начале письма текст. Для физиков... вопрос будет представляться так, будто диалектический материализм признает только определенное строение материи (в виде атомов), все же другие представления о строении материи отбрасывает. Но это

⁴² Статья М.Т. Иовчука была опубликована в № 21 журнала "Большевик" за 1945 г.

⁴³ Речь М.З. Селектора см.: Вопросы философии. 1947. № 1, С. 427-436.

⁴⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 492. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Л. 13.

привело бы их к неверному выводу о том, что диалектический материализм стремится "запеленать в свои схемы" физическую науку и мешать ее развитию. Такой вывод может быть ими сделан в особенности потому, что некоторые наши философы своими выступлениями по вопросам естествознания в свое время создали, к сожалению, у части естествоиспытателей неправильное представление о нашей философии и объективно затруднили разработку правильной методологии естествознания.

Но, с другой стороны, не перевелись еще физики, которые безуспешно, но упорно ведут борьбу с современной физикой, отрицают ее достижения. Вопреки фактам, опровергают теорию относительности, квантовую механику, хотя без выводов этих теорий теперь нельзя даже построить современного мощного циклотрона, фазотрона и других устройств по расщеплению атомных ядер... Эти философские и физические обозники, несомненно попытаются опереться на приведенный выше текст, как на то, что "ЦК ВКП(б) подтверждает" их позицию в отрицании физических полей как одной из форм материи".

В заключение С.Г. Суворов писал:

"Я предполагаю, что на самом деле Вы раскритиковали какой-то конкретный пример, в котором действительно имеется идеалистическая чертовщина... Однако краткое упоминание о нем, без разбора и объяснений, может вызвать нежелательное толкование, вредное для физики и для нашей философии. Это и побудило меня обратиться к Вам с настоящим письмом"⁴⁷.

Письмо дошло до адресата, возымело действие, но привело лишь к незначительной правке текста. Вместо слов: "о замене материи некоторой суммой волн, несущих энергию" в опубликованном тексте появилось: "к попыткам изобразить материю только лишь как некоторую совокупность волн" при сохранении "и прочей чертовщине"⁴⁸.

Среди обнаруженных материалов особый интерес представляют документы, отражающие реакцию на дискуссию самого Г.Ф. Александрова. Выждав чуть более двух недель, он 11 июля 1947 г. направил И.В. Сталину и А.А. Жданову следующее послание:

"За эти последние несколько месяцев, после Ваших замечаний на мою книгу, а затем в связи с дискуссией, я самым пристальным образом пересмотрел то, как и о чем писал все эти пятнадцать лет, в течение которых занимаюсь литературной работой. Для меня ясно все принципиальное значение Ваших указаний и прошедшей философской дискуссии. Я вполне сознаю, что, не поправь меня Центральный Комитет по теоретическим вопросам, мало пользы было бы от меня как профессионального философа для партии. И дело здесь, конечно, не только лично в моих ошибках. Сложившееся положение было просто нетерпимо с точки зрения роста наших теоретических кадров и их объединения для общей работы. Философская дискуссия, и особенно глубокое, сильное выступление товарища Жданова, зарядили философских работников огромной большевистской страстью, вызвали у всех у нас рвение, искреннее стремление покончить со старыми приемами, навыками в научной, публицистической и организационной работе, делать быстрее, лучше, боевое наше партийное дело.

Теперь, после дискуссии, на которой были вскрыты крупные недостатки в нашей работе, многие вопросы научной работы в области философии встанут совершенно по-иному. Если сейчас провести некоторые меры, можно достигнуть нужных результатов.

Прошу Вас одобрить проведение некоторых наиболее неотложных мер, осуществление которых будет содействовать успешной разработке важных вопросов марксистской философии и более широкому развороту пропаганды мировоззрения нашей партии среди советского населения и за рубежом".

Г.Ф. Александров намечал пять направлений необходимых изменений, которые содействовали бы активизации работы в области философии:

1. Он предлагал объединить профессиональных философов для разработки

⁴⁶ Там же. Л. 15-16.

⁴⁷ Там же. Л. 16-17.

⁴⁸ Вопросы философии. 1947. № 1. С. 271.

"нужных и важных сейчас для партии" вопросов теории. "Предварительные переговоры, - писал Александров, - проведенные Управлением пропаганды с участниками дискуссии, дают возможность иметь такой вполне реальный план создания и опубликования работ по философии на ближайшие полтора-два года". К письму был приложен список научных работ, который предусматривал подготовку 27 монографий и 26 научно-популярных работ по марксистской философии, 27 работ по истории философии и критике буржуазной философии и 8 работ по эстетике.

2. Александров говорил о требовании "совершенно иначе расставить людей в руководящих организациях в области философии, ликвидировать перегруженность и фактическую монополию одних, шире привлечь других". Вряд ли он отдавал себе отчет в том, что в иерархии работающих философов крупнейшим монополистом он был сам. Касаясь Института философии АН СССР, Александров отмечал, что у его руководства находятся "лица, работающие во многих местах (Рубинштейн, П. Вышинский), или просто малоспособные люди (Васецкий, Баскин)". Чтобы добиться перелома в работе института, он предлагал утвердить его директором "либо т. Шария (Грузия), либо т. Кедрова, доктора философских наук", и направить в институт способных работников - В.Ю. Захидова из Ташкента, В.К. Чалояна из Армении, Э.Г. Фишера из Хабаровска и Н.М. Мирошкину из Ташкента. Кроме того, Александров предлагал активизировать издание философской литературы и внести изменения в состав редколлегии журнала "Большевик", утвердив его главным редактором видного экономиста К.В. Островитянова.

3. Он выдвинул предложение о создании Всесоюзного философского общества.

4. Переходя к анализу состояния философских кадров, Александров отметил большой перерыв в их подготовке "между ликвидацией ИКП в 1937 г. и организацией Академии общественных наук в 1946 г. "Интересно отметить, что подготовка на философских факультетах университетов им не учитывалась. Он предлагал создать курсы переподготовки для тех 700 человек, которые относились им к числу философов.

5. Этот пункт послания Сталину и Жданову содержал элементы самокритики. "Управление пропаганды ЦК и я лично, - писал Александров, - не сумели направить работу профессиональных философов и оказывали слабую помощь научным кадрам в разработке марксистской теории". Для усиления исследовательской деятельности он предлагал укрепление связи с местами, активизацию пропаганды международных вопросов, упрочение взаимодействия философов с экономистами, историками, литературоведами⁴⁹.

Какой бы то ни было реакции "вождей" на это послание обнаружить пока не удалось.

После длительного обсуждения итогов философской дискуссии, проведения многочисленных совещаний в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Институте философии АН СССР, специального заседания у А.А. Жданова и договоренностей о дальнейших мерах по развитию советской философии пришло время организационно оформить намечающиеся изменения и закрепить пути дальнейшего развития этой отрасли знаний, как то понимали в кругах партийных руководителей.

17 июля 1947 г. Г.Ф. Александров представил А.А. Жданову проекты трех постановлений ЦК ВКП(б): а) "О журнале "Вопросы философии", главным редактором которого предлагалось утвердить М.А. Леонова; б) "О директоре Института философии Академии наук СССР", в котором предлагалось утвердить на эту должность М.Т. Иовчука; и в) "Об учебнике по истории философии", которым утверждался состав авторского коллектива в количестве более 30 человек⁵⁰.

В тот же день к Жданову поступили и другие материалы, вносящие существенные коррективы в казалось бы согласованные проекты. Прежде всего нужно отметить заявление М.А. Леонова с отказом от должности главного редактора журнала. Он уже высказывал свои возражения по поводу выдвижения его кандидатуры, приводя серьезные аргументы, связанные с состоянием его здоровья. Эти аргументы учтены не были, и М.А. Леонов подал формальное заявление на имя А.А. Жданова, в котором писал:

⁴⁹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 492. Л. 2-6.

⁵⁰ Там же. Л. 22-26.

"Я считаю своим партийным долгом еще раз высказаться по поводу выдвижения меня на должность главного редактора журнала. Философский журнал, как Вы совершенно правильно отмечали, должен служить продолжением деятельности Института философии во всех областях. Руководить журналом - это значит проводить заседания, совещания, вести переговоры с авторами, повседневно общаться с людьми. Но я, к сожалению, не в состоянии с этим справиться по причине моей глухоты... Практика моей прошлой работы показала, что для руководителя такой физической недостатком, как глухота, совершенно нетерпим..." Он считал, что подходящими кандидатурами в главные редакторы могут быть М.М. Розенталь и Л.О. Резников⁵¹.

Но появились и иные претенденты на то, чтобы возглавить столь важный участок "философского фронта", каким является философский орган. Одним из таких претендентов был Я.А. Мильнер. Все в тот же день, 17 июля, он направил А.А. Жданову обширную записку "О новом философском журнале. (В развитие моего выступления на философской дискуссии при ЦК ВКП(б))"⁵², в которой изложил собственное понимание, каким должно быть подобное издание в сталинскую эпоху.

В первом пункте записки Я.А. Мильнер предлагал назвать журнал "Советская философская мысль". Два последующих приведем полностью:

"2. Начало журнала кладется передовой статьей главы марксистско-ленинской философской школы товарища И.В. Сталина.

3. Журнал имеет своим девизом замечательный призыв Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), обращенный к деятелям советской пауки: "Смело идите по пути новаторства!" Этот девиз значится на титульном листе каждого номера журнала".

Затем двадцать пунктов посвящены отделам журнала, размеру и обсуждению представляемых статей, примерному составу редколлегии, штатам редакции, содержанию первого номера со статьями Сталина, Жданова, Розенталя, Кедрова, Мильнера и др. Последний пункт записки гласил:

"23. В качестве главного редактора журнала предлагаю себя. Я. Мильнер".

Напомнил о себе и один из тех, чья фамилия называлась при обсуждении кандидатур в директора Института философии АН СССР. 17 июля П.Ф. Юдин направил А.А. Жданову следующее письмо:

"Дорогой Андрей Александрович!

Продумав вопросы, обсуждавшиеся у Вас на совещании в связи с итогами философской дискуссии и в связи с обсуждением моей кандидатуры в качестве директора Института философии, я пришел к следующему выводу:

Если Центральный Комитет найдет возможным поручить мне эту работу (руководство Институту философии), - я согласен взяться за это дело. Именно на тех условиях, о которых Вы говорили, - только с искренним желанием приложить все силы, чтобы вытащить этот участок идеологической работы, поднять работу в области философии на уровень, который требует партия.

Думаю, что политического опыта, научной подготовки и энергии для этого у меня хватит.

С Коммунистическим приветом П. Юдин"⁵⁴

Были и такие философы, которые пытались использовать свои "аппаратные" знакомства. Заведующий кафедрой философии Московского областного педагогического института проф. И.Д. Панцхава в письме помощнику А.А. Жданова

⁵¹ Там же. Л. 20-21.

⁵² Я.А. Мильнер не выступал в ходе дискуссии, а представил свою речь в приложение к стенограмме (См. Вопросы философии. 1947. № 1. С. 401-406).

⁵³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 492. Л. 29-34.

⁵⁴ Там же. Л. 28.

А.Н. Кузнецову просил передать записку, в которой многословно доказывал, что основная задача академического института, нового журнала и всех советских философов должна состоять "в выяснении того нового, что внес товарищ Сталин в сокровищницу марксизма".

19 июля 1947 г. вопрос о журнале обсуждался на заседании Секретариата ЦК ВКП(б), который принял постановление "Об издании журнала "Вопросы философии"":

1. Разрешить Институту философии Академии наук СССР издание журнала "Вопросы философии" периодичностью 4 номера в год, объемом до 20-25 п.л. каждый номер, тиражом 35 тысяч экземпляров.

2. Утвердить главным редактором журнала "Вопросы философии" тов. Кедрова Б.М.

3. Поручить редактору журнала "Вопросы философии" т. Кедрову совместно с Управлением пропагандой ЦК ВКП(б):

а) в недельный срок представить на утверждение ЦК ВКП(б) предложения по организации отделов и составе редакционной коллегии журнала;

б) в двухнедельный срок представить план работы журнала на ближайшее время.

4. В первом номере журнала "Вопросы философии" опубликовать материалы дискуссии по книге т. Александрова "История западноевропейской философии".

5. Издание журнала "Вопросы философии" возложить на издательство газеты "Правда" (т. Ревина).

6. Внести на утверждение Политбюро⁵⁶.

Нам не известна пока точная дата утверждения на заседании Политбюро этого решения. Но работа по подготовке предопределенного первого номера журнала уже шла. Основная ее тяжесть легла на главного редактора Б.М. Кедрова. Предложения по организации отделов и составу редакционной коллегии будут утверждены на заседании Оргбюро ЦК почти через месяц - 16 августа 1947 г.

16 августа 1947 г. опросом членов Оргбюро ЦК, при непосредственном участии А.А. Жданова (он подписал протокол заседания) был рассмотрен и решен вопрос "Об организации отделов и составе редакционной коллегии журнала "Вопросы философии". Оргбюро ЦК утвердило следующие отделы журнала: а) диалектического материализма, б) исторического материализма, в) истории философии, г) логики и психологии, д) философии естествознания, е) эстетики, ж) борьбы с современной буржуазной философией и социологией, з) научной жизни и хроники, и) философского образования и работы кафедр, к) критики и библиографии. Во главе каждого из этих отделов, кроме отдела научной жизни и хроники, были поставлены утвержденные Оргбюро редакторы. Ими последовательно стали М.А. Леонов, Ф.В. Константинов, Б.А. Чагин (Ленинград), П.В. Таванец, М.Э. Омеляновский (Киев), В.С. Кеменов, Ю.П. Францев, Ц.А. Степанян, П.Е. Вышинский. Все они и составили редакционную коллегию журнала. В связи с этим Ц.А. Степанян был освобожден от заведования кафедрой марксизма-ленинизма в Московском энергетическом институте им. В.М. Молотова⁵⁷.

Еще раз вопрос о журнале "Вопросы философии" обсуждался на Секретариате ЦК 10 ноября 1947 г., когда были утверждены штаты и ставки заработной платы работников журнала и был установлен гонорар за публикуемые в нем статьи и материалы - 5000 рублей за авторский лист, что являлось самым высоким гонораром по сравнению со всеми научными журналами⁵⁸.

Задержка в формировании состава редколлегии и утверждении штата редакции привела к тому, что практически вся основная работа по подготовке первого номера журнала "Вопросы философии" легла на единственного сотрудника журнала, утвержденного Секретариатом ЦК от 19 июля 1947 г., на главного редактора Б.М. Кедрова. Он был одновременно и научным редактором по всем разделам философии сразу, и заведующим редакцией, и техредом. Он делал все и по праву считается создателем

⁵⁵ Там же. Л. 69.

⁵⁶ Там же. Оп. 116. Д. 314. Л. 70-81.

⁵⁷ Там же. Д. 317. Л. 8.

⁵⁸ Там же. Д. 327. Л. 53.

журнала. Несмотря на это, Кедров был лишен главного - права окончательного решения, права быть в полной мере самостоятельным, работать без оглядки. Любую мелочь он вынужден был обговаривать и согласовывать с куратором философской дискуссии А.А. Ждановым. Ровно через неделю после решения Секретариата ЦК об издании журнала, 26 июля 1947 г., Б.М. Кедров направил ему следующую записку:

"Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Жданову А.А.

О первом номере журнала "Вопросы философии"

Обращаюсь к Вам за указаниями по следующим вопросам:

1. Поскольку речи гг. Аджемьяна, Бердника и Тимирязева содержат положения, в силу которых их напечатать невозможно, прошу разрешить изъять первые две речи из материалов дискуссии и внести необходимые изменения в речь т. Тимирязева:

а) т. Аджемьян ставит под сомнение, как якобы "дискуссионные", основные вопросы мировоззрения советских людей, смешивает диалектику и материализм с растленной буржуазной философией (расизмом, католицизмом, мистикой и т.д.); объявляет всю эту грязь полезной и нужной для нас; приписывает нам такую же неразборчивость в средствах, как и представителям буржуазной идеологии; утверждает, будто политическая страстность и заостренность неуместны и смешны в учебнике; для доказательства этого противопоставляет "Краткий курс истории ВКП(б)" ленинскому "Материализму и эмпириокритицизму"; берет под защиту, как "историческую истину", гегелевскую идею о полезности для государства удачных войн и объявляет заслугой Гегеля как раз то, что ЦК ВКП(б) в решении по III тому "Истории философии" объявил Гегеля апологетом войны и т.д. Дискуссия послужила т. Аджемьяну лишь поводом для того, чтобы пропагандировать в корне враждебные нам выводы. Право советских философов на свободное участие в научной дискуссии он истолковал как право клеветать на наше мировоззрение. Считаю, что объективно он взял на себя роль Зошенка в философии;

б) Речь Бердника производит весьма странное впечатление, поскольку она совершенно отходит от темы дискуссии и посвящена главным образом самовосхвалению и болезненно обостренным нападкам на гг. Александра и Леонова. По таким вопросам, как выдача справки о защите т. Бердником его кандидатской диссертации, как критика его неопубликованных работ и т.д. [...]

в) речь т. Тимирязева - это сплошной поклеп на передовых советских физиков, обвинение их в том, что они являются махистами и действуют чуть ли не по директивам, идущим из-за границы. Дискуссия послужила т. Тимирязеву лишь поводом, чтобы повторить свои старые взгляды и обвинения. Например, он заявляет, что у весьма значительной части наших специалистов господствующим мировоззрением является эмпириокритицизм, что махистам у нас все верят на слово; что все наши издательства и журналы во власти представителей так называемой копенгагенской школы и т.д. Все эти слишком резкие и огульные выпады против советской науки нужно безусловно устранить.

2. Представляю на Ваше утверждение: а) проект обложки журнала, б) проект титульного листа, в) текст обращения "От редакции журнала".

3. Сигнальный экземпляр может быть выпущен издательством "Правда" через 7 дней после подписания его к печати, через 3 дня после этого выйдет часть тиража (3000). Остальной тираж - через 10 дней.

4. Цена номера - 18 рублей (калькуляция произведена издательством "Правда"). Тираж номера - 20 000.

26 июля 1947 г.

Главный редактор журнала
"Вопросы философии"
Б.М. Кедров⁵⁹

⁵⁹ Там же. Оп. 125. Д. 492. Л. 35-37.

Получив это послание, А.А. Жданов первоначально исправил 7 дней на 5, а затем перечеркнул это и написал простым карандашом "Весь тираж в 10 дней". Он обвел намечавшуюся стоимость журнала (она будет установлена в 12 руб.) и жирно подчеркнул объем тиража и написал ниже "15 000" и еще дважды "15-20". (Первый номер журнала выйдет тиражом в 15 000 экземпляров.) Но получилось, что "главный идеолог" оказался бессилем ответить на основной вопрос главного редактора - о судьбе выступлений трех названных авторов. Жданов сам нуждался в указаниях.

"Товарищу Сталину

Редактор журнала "Вопросы философии" тов. Кедров обратился ко мне с просьбой: при опубликовании в № 1 журнала материалов дискуссии по книге тов. Александрова не публиковать речей тт. Аджемьяна и Бердника и внести изменения в речь т. Тимирязева (все эти речи были представлены в письменном виде после окончания дискуссии, поскольку эти ораторы не сумели получить слова ввиду закрытия прений).

Ознакомившись с этими речами, я считаю, что 1) речь т. Аджемьяна (известного своими попытками возрождения взглядов буржуазно-исторической школы Милукова) как враждебную марксизму-ленинизму галиматью - не публиковать; 2) из речи т. Бердника, содержащей ряд немотивированных и преувеличенных нападок на т. Александрова (Александров изображается Бердником как лидер антиисторического и антимарксистского направления) и личных выпадов, - надо устранить эти личные выпады, тем более, что эта речь представлена после заключительного слова т. Александрова и 3) из речи т. Тимирязева надо исключить огульные обвинения против современных физиков, что они являются последователями Маха и что махизм является господствующим направлением во всех издательствах.

Прилагаю выдержку письма т. Кедрова. Прошу Ваших указаний⁶⁰.

На сохранившейся копии имеется помета рукой А.А. Жданова: "Послано 28.7."⁶¹

С согласия Сталина речи Л.Ф. Бердника и А.К. Тимирязева были опубликованы в "Вопросах философии", но без упоминания о сделанных в них сокращениях⁶². Журнал был подписан к печати 31 июля 1947 г.

После философской дискуссии и публикации ее материалов обострилось внимание идеологического руководства страны к деятельности академического Института философии. Его директор Г.С. Васецкий писал 9 августа 1947 г. А.А. Жданову:

"Философская дискуссия по книге т. Александрова вскрыла крупнейшие недостатки научной работы в области философии и прежде всего отставание коллектива научных сотрудников Института философии Академии наук от задач, поставленных ЦК ВКП(б) перед философской наукой.

Сейчас Институт действительно представляет безотрадную картину, он оторван от основной массы философских кадров, не является общесоюзным научно-исследовательским учреждением, объединяющим вокруг себя философов страны и организующим их научную работу над актуальными проблемами марксистско-ленинской философии. Причины плохой работы Института философии совершенно правильно указаны Вами в выступлении на философской дискуссии - это наличие у многих работников Института аполитичности и безидейности, отсутствие настоящей, принципиальной критики и самокритики в научной работе, политически неправильная и вредная ориентация на тематику прошлого и трусость, боязнь смело браться за разработку актуальных вопросов по теоретическому обобщению практики социалистического строительства и развертывания борьбы с буржуазной идеологией. К серьезным недостаткам, приведшим Институт к такому плачевному состоянию, надо отнести и то, что в нем на протяжении многих лет подвизалась значительная группа сотрудников, которая из года в год не давала никакой научно-философской

⁶⁰ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 983. Л. 178-179. См. также: Ф. 17. Оп. 125, Д. 492. Л. 41.

⁶¹ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 983. Л. 180.

⁶² См.: Вопросы философии. 1947. № 1. С. 332-337 и 440-444.

продукции. Одни из этой группы оказались неспособными к творческой научной работе, другие просто бездельники. Настоящей работы по освобождению Института от научных сотрудников, не обеспечивающих творческой научной работы, и по привлечению в Институт способных, добросовестно работающих философов руководители Института не проводили. Этого за год с лишним моей работы в Институте не удалось сделать и мне.

Острая, глубоко верная критика, данная Вами, крупных недостатков и ошибок в работе Института, задачи, поставленные ЦК ВКП(б) перед философами оказали огромную помощь работникам Института в уяснении причин и характера крупных недостатков и ошибок в работе Института и в быстрейшем осуществлении коренного поворота в соответствии с задачами, поставленными перед Институтом⁶³.

Далее Васецкий писал, что в Институте философии приступили к осуществлению следующих мероприятий: подготовке книг и пособий по марксистско-ленинской философии, проведению творческих дискуссий, объединению творческих работников, проведению научных сессий в Институте.

К письму были приложены проекты решений ЦК ВКП(б) о книге по диалектическому материализму, о книге по историческому материализму, о книге по логике и перечень основных работ по Институту философии на 1947-1948 гг., в котором отмечено 40 работ⁶⁴.

Сейчас кажется удивительным, что никакой информации в прессе о подготовке и проведении философской дискуссии опубликовано не было. Впервые центральный орган партии газета "Правда" сообщила о ней в обширном материале за подписью П. Юдина в связи с выходом первого номера журнала "Вопросы философии", который занимал два подвала на второй и третьей страницах воскресного номера газеты от 24 августа 1947 г.

Как на него отреагировала мировая пресса и зарубежная философская общественность, требует детального изучения. В Архиве Секретариата ЦК удалось обнаружить секретное послание М.А. Сулову без подписи и даты (штамп получения - 23 сентября 1947 г.), в котором сообщалось, что накануне, 22 сентября, в газете американской военной администрации для немецкого населения "Ди нейе Цейтунг" была опубликована редакционная статья, посвященная дискуссии по книге Александра. В приложенном переводе статьи под названием "Советская философия" говорилось:

"Публицистическая режиссура Советов некоторое время тому назад пережила необычную катастрофу. Она бы нас не интересовала, если бы не проясняла потрясающим образом глубокие причины неудач всякой интернациональной совместной работы с Советским Союзом. Профессор философии Г.Ф. Александров написал "Историю западноевропейской философии". Так как издатели не всегда понимают, что они печатают, то впервые открыто обнаруживается, когда книга уже издана, что автор написал что-то революционное. Ах, нет, этого не произошло. Но он осмелился следовать выработанной за тысячелетия обязанности научного розыскания истины и "sine ira et studio" и изложить только то в своей работе, что он считал значительным, согласно своему знанию и совести. Известны классические методы всякого интернационального исследования. Однако этим своим действием профессор Александров сам себе произнес приговор в Советском Союзе как "реакционеру".

Что же случилось? Самое интересное было то, что книга в кругах русской интеллигенции или, говоря вместе с "Правдой", у работников философского фронта не была отвергнута с криком негодования...

Размер официальной реакции позволяет сделать вывод о значении происшедшего...

Случай с Александровым был бы только случаем, происшедшим с одиноким и мужественным человеком, который оказал сопротивление именно тому, чтобы подобные "готовые формы" навязывались человеческой воле к познанию. Но тот факт, что русская университетская молодежь так охотно хотела услышать "объективный голос", дает надежды, что некоторые ценности общие всем народам не могут

⁶³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 492. Л. 43-44.

⁶⁴ Там же. Л. 49-57.

* Безгнева и пристрастия (*лат.*).

быть выкорчеваны советской диктатурой. Они могли бы стать основой для взаимопонимания."⁶⁵

Не со всеми выводами анонимного зарубежного интерпретатора следует соглашаться. Но то, что философская и последующие дискуссии нанесли огромный ущерб международному сотрудничеству Советского Союза, несомненно.

К осени 1947 г. волнения на научно-философском фронте стали затихать. Командно-бюрократическая система готовилась к новым "свершениям". Впереди была лысенковская сессия ВАСХНИЛ...

А как же с организационными выводами? Они, конечно, были. Г.Ф. Александров был освобожден от должности начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Его ждала "страшная" кара - назначение директором Института философии Академии наук СССР. "Шуку бросили в реку".

Став директором Института, Г.Ф. Александров, пожалуй, более чем кто бы то ни было другой понимал, что формальный руководитель лишен даже намека на самостоятельность. Абсолютно все связанное как с кадрами, так и с направлениями деятельности и каждой планируемой работой, должно было быть согласовано с партийно-политическими структурами и одобрено ими. 22 ноября 1947 г. он направляет секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову отношение с обоснованием необходимости привлечения для работы в Институте философии 12 человек⁶⁶.

Отсутствие ответа вынуждает его два месяца спустя, 23 января 1948 г. вновь направить послание А.А. Кузнецову с просьбой об ускорении принятия решения по Институту философии⁶⁷. Но руководство занято уже другими делами. Оно больше не беспокоится за философский фронт, который прочно усвоил преподанный ему урок. А все текущие дела переданы неторопливо работающему аппарату. Лишь весной, через три с лишним месяца последует реакция на обращение главы академического института. 4 мая 1948 г. секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову и М.А. Суслову была представлена следующая справка:

"Директор Института философии Академии наук СССР т. Александров Г.Ф. просит направить в Институт философии с освобождением от прежней работы группу товарищей в количестве 12 человек, работающих в Министерстве иностранных дел СССР, журнале "Большевик", а также в высших учебных заведениях Москвы и периферии.

После тщательного разбора вопроса в отделах науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и высших учебных заведений Управления кадров ЦК ВКП(б) считаем возможным направить на штатную работу в Институт философии трех товарищей: проф. Каганова В.М., работающего в Государственном издательстве политической литературы, проф. Резникова Л.О - зав. кафедрой философии Ростовского государственного университета и т. Черткова В.П. - кандидата философских наук, руководителя лекторской группы ЦК КП(б) Туркмении.

Тов. Каганов уже сдал дела в издательстве и приступил к работе в Институте философии. Перевод тт. Резникова и Черткова возможен только после того, как т. Александров решит вопрос о предоставлении им квартир.

Остальные товарищи не могут быть переданы в распоряжение Института философии или из-за невозможности их освобождения от занимаемых сейчас должностей (тт. Францев, Гак, Георгиев, Щипанов, Джунусов), или ввиду их категорического отказа переходить на работу в Институт философии (тт. Чагин, Мелешко), или, наконец, потому, что т. Александров сам отказался от использования некоторых товарищей в Институте философии (тт. Морозов, Матвеевко).

Что касается отчисленных из Института философии сотрудников (тт. Бердник, Паукова, Зись и др.), то направление их на другую работу может быть решено т. Александровым совместно с Министерством высшего образования без содействия ЦК ВКП(б).

Обо всем этом т. Александров поставлен в известность"⁶⁸.

⁶⁵ Там же. Л. 58-61.

⁶⁶ Там же. Л. 64-65.

⁶⁷ Там же. Л. 66-67.

⁶⁸ Там же. Л. 68:

Эта справка была подписана начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д. Шепиловым, заведующим отделом науки этого управления Ю. Ждановым и заведующим отделом высших учебных заведений Управления кадров ЦК ВКП(б) Ф. Бараненковым. Но до секретарей ЦК она не дошла. С ней познакомились лишь их помощники, как свидетельствует имеющаяся помета: "Архив, тт. Ведерников и Гаврилов ознакомились"⁶⁹.

Осуществляющие общий надзор за состоянием пропаганды и развитием науки Д.Т. Шепилов и Ю.А. Жданов, обобщая итоги провозглашенной борьбы по ликвидации недостатков и ошибок в области развития философской науки, в записке "О положении на философском фронте", направленной 26 декабря 1947 г. секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Жданову, А.А. Кузнецову и Г.М. Попову, вынуждены были констатировать:

"С момента философской дискуссии по книге тов. Александрова прошло полгода, однако необходимых изменений в работе руководящих учреждений, призванных возглавить и осуществить перестройку работы на философском участке идеологического фронта, не произошло. Это прежде всего относится к журналам "Вопросы философии", "Большевик", а также к Институту философии Академии наук СССР и Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)".

Казалось бы, в соответствии с имеющимися решениями, на выходе в свет должны были находиться и второй, и третий номера столь необходимого журнала, но работа редакции была по существу парализована. О ее состоянии в записке говорилось:

"Редакция журнала "Вопросы философии" прислала в ЦК ВКП(б) план второго номера и редакционную статью "Об итогах и задачах философской работы".

Содержание 2-го номера показывает, что редакция журнала не сумела организовать материал, отвечающий задачам, поставленным ЦК ВКП(б) перед философами в ходе философской дискуссии, не стремится освещать острые проблемы современности. Вот перечень основных статей журнала: Степанян "О закономерностях перехода от социализма к коммунизму", Марков "О природе физического знания", Шмальгаузен "Представления о целом в современной биологии", Резников "К вопросу о соотношении языка и мышления", Кривелев "К характеристике немецкой военной идеологии". Несколько лучше в серии публицистических статей представлена критика современной буржуазной философии, однако, важнейшие статьи уведут журнал от актуальной проблематики.

В плане второго номера даже не обозначены такие коренные проблемы философской работы, как партийность в философии, значение критики и самокритики в советском обществе, вне поля зрения журнала остались крупнейшие темы из области диалектического и исторического материализма - и это через шесть месяцев после философской дискуссии. Вместе с тем план номера переобременен второстепенными, неактуальными вопросами.

Редакционная статья "Об итогах и задачах философской работы" производит странное впечатление после того, как товарищ Жданов подвел итоги и поставил задачи перед философами на дискуссии, материалы которой опубликованы в № 1 "Вопросов философии". Статья написана так, как будто указания ЦК ВКП(б) не являются достаточной программой для журнала. Редакция журнала, взявшись заново излагать свое "кредо", тем самым стирает роль прошедшей философской дискуссии, умаляет ее значение, ставит под сомнение утверждение редакционной статьи первого номера, что журнал "прямо родился из дискуссии".

Редакция в лучшем случае толчется на месте, пересказывая и комментируя известные положения, в худшем - делает шаг назад. Таким шагом назад является сведение счетов с прежним философским руководством - тт. Дебориным, Митиным, Юдиным. Это сведение счетов, в котором нет ни грама принципиальной критики по существу тех или иных взглядов, дается иод видом исторического анализа развития советской философии.

Журнал вновь берется формулировать основные задачи философской работы и в качестве центральных проблем намечает не разработку актуальных вопросов современности, связанных с коренными задачами строительства коммунизма, не активное участие в идеологической борьбе с силами буржуазии, а создание капи-

⁶⁹Там же.

тальных трудов, в которых все было бы "систематизировано", "обобщено" и "резюмировано". Даже такая задача как борьба с буржуазной философией лишь "связана" с этой "основной", как подчеркивает редакция, задачей по созданию монографий, то есть по сути дела играет подчиненную роль. Подменив вопросом формы, "капитальности" трудов вопрос об их содержании, о центральных, жгучих проблемах философской работы, редакция "Вопросов философии" продемонстрировала, что она еще не освободилась от остатков академизма в работе.

Вредной и ошибочной схемой является приведенное в статье "новое" деление истории советского общества. Согласно этой схеме, в октябре 1917 г. пролетариат (не только русский, но "в мировом масштабе") победил буржуазию политически, в 1926-34 гг. "рабочий класс одолел буржуазию экономически", в Отечественной войне Советский Союз "победил силы врага в военном отношении", и сейчас осталось только "разгромить международную реакцию идеологически".

Вместо того, чтобы по-деловому, следуя указаниям ЦК ВКП(б) во втором номере журнала уже приступить к решению назревших вопросов, редакция все еще занимается простым перечислением этих вопросов, не решается, как видно, смело идти вперед, предаст забвению дух и уроки философской дискуссии".

В отношении журнала "Большевик" было отмечено, что на его страницах было воспроизведено выступление А.А. Жданова и дан обзор первого номера журнала "Вопросы философии", других же материалов, в которых проявилось бы влияние философской дискуссии, опубликовано не было.

Переходя к Институту философии АН СССР, Д. Шепилов и Ю. Жданов писали: "В Институте философии Академии наук СССР проделана известная работа по составлению проспекта учебника по истории философии. Что касается института в целом, то он продолжает работать по старинке. Далее разговоров о необходимости перестройки дело не пошло. Сейчас разработан план работы института на 1948-1950 гг. Однако этот план нельзя признать удовлетворительным." Провозгласив вначале, что главным недостатком этого плана является его декларативный характер, авторы весь свой пафос сосредоточили на том, чтобы показать, что он "носит рекламный, широковещательный характер; организационно он не подкреплен и тем самым обречен на провал". Конечно, другим и не мог быть план, не прошедший через партийные инстанции.

Относительно философских кафедр Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) было отмечено, что ее партийная организация "не обсуждала ни решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, ни итогов философской дискуссии". Состоялись лишь информационные заседания на кафедрах, которыми руководят Г.Ф. Александров и П.Н. Федосеев.

Эта обширная "Записка" завершалась следующим выводом:

"Таковы основные факты, характеризующие состояние философского фронта. Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым:

1. Обязать редакцию журнала "Вопросы философии" пересмотреть содержание второго номера, исходя из уроков философской дискуссии.
2. Предложить редакции "Большевика" систематически освещать важнейшие вопросы марксистской философии.
3. Предложить дирекции Института философии и президиуму Академии наук СССР пересмотреть план работы Института философии и в переработанном виде представить его в ЦК ВКП(б) не позднее 15 января 1948 года".

При всей справедливости высказанных замечаний об ошибочности предложенной схемы периодизации истории советского общества, приведенная оценка журнала "Вопросы философии" и попыток его редакции нащупать в тисках идеологизированной диктатуры партии хоть сколько-нибудь приемлемый путь деятельности научного издания, органа академического института, никак не могла содействовать развитию философской работы. В "Записке" наглядно выражено полное непонимание исследовательских задач, подмена изучения научных проблем пропагандистским, идеологизированным, сиюминутным интересом. В ней совершенно отсутствует понимание перспективности научных исследований, беспардонна критика академизма. "Записка" иллюстрирует полный партийно-аппаратный диктат и совершенное бесправие философов, даже номенклатурных.

⁷⁰ Там же. Л. 79-85.

Сейчас нам трудно восстановить, как развивалась в последующие полтора месяца борьба за выпуск второго номера журнала "Вопросы философии" за 1947 г. Он будет подписан к печати только 2 февраля 1948 г. Его содержание показывает, что главному редактору удалось отстоять все основные статьи этого номера, даже И.И. Шмальгаузена и особенно М.А. Маркова. Борьба вокруг последней, судя по всему, была чрезвычайно острой. Она не только вышла со сносской - "Печатается в порядке обсуждения", ей было предпослано и специальное предисловие президента АН СССР академика С.И. Вавилова. Прав был С.Г. Суворов, отмечавший силу и активность философских и физических "обозников". Именно они, под руководством того же Д.Т. Шепилова, возглавят через год подготовку совещания физиков, поводом для которого служила публикация статьи М.А. Маркова в "Вопросах философии" и которую с трудом удалось предотвратить С.И. Вавилу⁷¹. Б.М. Кедров к этому времени уже был освобожден от поста главного редактора журнала.

Конечно, серьезные изменения претерпела редакционная статья №2. Она вышла под названием "Наши задачи". В ней уже нет прежней периодизации, усилена борьба против аполитизма, раболепия перед иностранщиной, за ленинский принцип партийности и т.п. Вместе с тем в ней содержатся призывы к развертыванию настоящей научной работы⁷². Но слишком силен страх и непредсказуема партийная рать, готовая в любой момент наброситься на того, кого провозгласят отступником. И многие годы и десятилетия придется преодолевать тот паралич философской мысли, который охватил философов после дискуссии 1947 г.⁷³.

⁷¹ *Есаков В.Д.* Мифы и жизнь // "Наука и жизнь". 1991. № 11. С. 117-118.

⁷² "Вопросы философии". 1947. № 2. С. 3-26.

⁷³ *Кедров Б.М.* Как создавался наш журнал // "Вопросы философии". 1988. № 4.